

СЕТИ ДОМОВОГО

Виктория Лукьянова

Виктория Лукьянова

Сети домового

«Автор»

2026

Лукьянова В.

Сети домового / В. Лукьянова — «Автор», 2026

В квартире 404 умерла программистка. Официальная версия: неисправная проводка. Неофициальная: по квартире кто-то ходит, техника живёт своей жизнью, а на экране появляются сообщения от того, кто не может уйти. Андрей, уволенный айтишник с ипотекой и здоровым скептицизмом, согласился «просто посмотреть логи». Теперь у него на связи домовая, освоивший мессенджер, напарник-техномаг с веточкой рябины у ноутбука и корпорация, которая очень не любит вопросы о том, что гудит у неё в подвале. Ироничное городское фэнтези о том, что случается, когда древняя нечисть получает доступ в интернет, а бизнес — доступ к нечисти. Расследование, саботаж, совет духов и один кот в шапке, который важнее военных проектов.

© Лукьянова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цифровой призрак	5
Глава 2. Пять тысяч причин	7
Глава 3. Квартира 404	9
Глава 4. Инженерный просчёт	13
Глава 5. Техномаг	16
Глава 6. Цифровая огненная стена	19
Глава 7. Наследство на шестнадцать гигабайт	23
Глава 8. //вижу тебя//	27
Глава 9. Полевые исследования	30
Глава 10. Переносной очаг	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виктория Лукьянова

Сети домового

Глава 1. Цифровой призрак

Индикатор камеры наблюдения подмигивал красным глазом, старательно фиксируя происходящее в квартире 404 элитного жилого комплекса «Силиконовый оазис». Камера была идеальным свидетелем: она просто писала – секунда за секундой, кадр за кадром, с невозмутимостью существа, которому никогда не приходилось объяснять следователю, что именно оно видело.

20:43. Интеллектуальный свет приглушён до «комфортной вечерней атмосферы» — режим, который маркетологи «Оазиса» наверняка окрестили чем-нибудь вроде «Уют 2.0» и включили в стоимость аренды отдельной строкой. На экране ноутбука бегут строчки кода. Девушка сидит спиной к камере, забравшись в кресло с ногами. Рядом остывает чашка. Обычный вечер обычного программиста — таких вечеров в архиве системы лежали сотни, и все они были неотличимы друг от друга.

20:44. Пустая кухня. Электрочайник включается сам. Светодиодное кольцо у основания загорается голубым, вода начинает бурлить. Никто к нему не подходил и не отдавал голосовую команду. Чайник просто решил, что кому-то в этой квартире срочно захотелось чаю.

20:45. Свет пульсирует, словно клубные прожекторы под бешеное техно, — и обрывается. Пять секунд полной темноты. Для системы, обязанной реагировать на любое движение за триста миллисекунд, — маленькая вечность. Потом свет возвращается, но уже другим: оттенки ползут по спектру и застревают на багрово-красном. Девушка оборачивается — медленно, словно очень не хочет увидеть то, что сейчас увидит, — и смотрит куда-то за кадр.

20:46. Одна из кухонных чашек падает с полки и разлетается вдребезги. Чашки, в отличие от чайников, не умные. У них нет светодиодов, Wi-Fi и прошивки, которая могла бы сбойть. Им падать не положено.

20:47. Экран ноутбука мигает — красный, чёрный, красный, — потом на нём проступает текст, слишком короткий и быстрый, чтобы камера успела взять его в фокус. Экран гаснет. По стене кухни пробегает тень. Лёгкая, еле заметная тень, у которой в кадре нет хозяина.

20:50. Вспышка. Экран камеры заполняет статика — честный аналоговый снег, какого в цифровых системах не бывает в принципе. Потом чернота.

Дальше камера три часа старательно и добросовестно записывала темноту. За это ей, собственно, и платили.

...

— Наш агент мониторинга уже прошёлся по логам, аномалий нет, — лысоватый мужичок усталого вида тихо ругнулся, хлопывая карманы в поисках зажигалки. Нашивка на форменной куртке сообщала: «Сметанко Н.В. Старший смены». — Просто сбой. Неудачное стечение обстоятельств.

«Неудачное стечение обстоятельств» — прекрасная формулировка. Универсальная, как изолента: ею можно обмотать что угодно, от перегоревшей лампочки до падения Тунгусского метеорита.

Андрей Лоскутов кивнул и пробежался взглядом по файлам на экране ноутбука. Запись с камер действительно не показывала ничего криминального. Ни вторжения, ни борьбы, ни фигуры в капюшоне, любезно повернувшейся к объективу. Хотя странностей было многовато для одной кухни за семь минут. Генерация? Кто-то подменил запись нейросетевым фейком? Но зачем гордиться фейк, в котором главную роль играет чайник?

— А с логами что? — Лоскутов не отрывал взгляда от экрана. — Вы же изучали систему?

— Конечно. — Сметанко почесал щёку с видом человека, которому за «конечно» не доплачивают. — Умный дом перегрелся, пошли сбои, электрический разряд — и вот... трагедия.

— Перегрелся, — повторил Андрей. — В квартире, где у климат-контроля собственная резервная линия и три датчика на комнату.

— Техника, — философски сказал Сметанко. — Она такая.

С этим тезисом спорить было трудно. Техника действительно была такая. Вопрос заключался в том, какая именно.

Андрей криво усмехнулся и остановил запись на одном из последних кадров. Увеличил. На гаснущем экране ноутбука погибшей, за миг до отключения, белели два слова.

— Ага. Особенно мне нравится момент, когда система пишет «он здесь», после чего выключает ноутбук и отрубает интернет во всей квартире. Очень похоже на перегрев. Прямо классическая термодинамика.

Сметанко поморщился, как от зубной боли.

— Глюк. Вирус. Как вы это там называете... — Он наконец нашёл зажигалку, повертел в пальцах и с сожалением спрятал обратно: курить в «Оазисе» было нельзя нигде, здание бы обиделось и настучало руководству. — В общем, за это вам и платят. Разберитесь.

«За это вам и платят» — тоже прекрасная формулировка. В переводе с охранного она означала: сделайте так, чтобы это перестало быть нашей проблемой. А лучше — чтобы оно вообще ничьей проблемой не было.

Андрей снова посмотрел на стоп-кадр. «Он здесь». Без точки, подписи или пояснений. Система умного дома при всех её талантах не умела писать сообщения от первого лица — это он проверил первым делом. В её словаре значились «обнаружено движение», «низкий заряд батареи», «обновление успешно установлено». Местоимения «он» в этом словаре не было.

Значит, писал кто-то другой.

— Разберусь, — сказал Андрей.

И почти не соврал.

Глава 2. Пять тысяч причин

Ещё пару часов назад Андрей Лоскутов угрюмо ковырял вилкой яичницу в грошовом кафе «Байт», приютившемся в тени серой офисной башни корпорации «НейроСеть». Кафе выживало на подножном корму из стажёров, курьеров и людей, чьи пропуска в башню больше не работали. Андрей относился к третьей категории, а потому считался здесь почти завсегда-таем.

Яичница остыла. Кофе превратился в тёмно-коричневую бурду со вкусом бюджетного растворимого порошка и лёгкой ноткой безысходности. Андрей созерцал этот натюрморт с выражением человека, утратившего вкус к жизни где-то между тридцатью и тридцатью пятью — и до сих пор не удосужившегося сходить его поискать.

За соседним столиком расположилась парочка: инженер в синей униформе и девушка-аналитик с корпоративным бейджем. Разговаривали они тем особым заговорщицким шёпотом, который слышно лучше, чем крик.

— И представляешь, — шептала девушка, — они не пускают туда никого. Даже свою охрану!

— Очередной баг в умном доме, — инженер отмахнулся пончиком. — Вечно у них там что-то летит. Помнишь историю с душем, который заблокировал дверь и шесть часов не выпускал бедолагу из ванной? Мужик потом месяц мылся в спортзале. ПТСР заработал. С ковшиком оно как-то надёжнее.

— Да нет же, тут серьёзное! Она умерла, понимаешь? Не упала, не заболела — умерла. В закрытой квартире, одна. И говорят, она боялась. Слежки боялась. Звонила брату прямо из офиса и жаловалась — ну, специально, в голос, чтобы услышали.

— Типичный переутомлённый программист. У нас тут у всех паранойя, она в соцпакете идёт — между ДМС и абонементом в спортзал.

Андрей слушал вполуха — ровно настолько, чтобы потом честно сказать себе, что не подслушивал. Закрытая квартира. Умерла одна. Боялась слежки. Город питался такими историями неделю, максимум две, а потом забывал — у города было отменное пищеварение.

Телефон загудел, прерывая чужой разговор. На дисплее высветилось: «Влад Соколов, НС Безопасность». Андрей несколько секунд смотрел на экран так, словно тот его предал, — а потом всё-таки нажал «принять». Не ответить было бы поражением, а отвечать он умел куда лучше, чем проигрывать.

— Привет, Андрюш, — голос Влада звучал почти виновато. Почти. У безопасников виноватость — рабочий инструмент, как отмычка. — Как жизнь на вольных хлебах?

— Какого чёрта тебе надо, Влад? — Андрей отодвинул тарелку с яичницей подальше. — Я думал, мы всё прояснили ещё тогда.

— Слушай, у меня тут ситуация... деликатная.

— У вас все ситуации деликатные. Особенно те, после которых люди обновляют резюме.

— Андрей...

— Пусть твои корпоративные псы её разруливают. У них зубы казённые, им не жалко.

— В том-то и дело, что не могут. Или, скорее, не должны... — Влад сделал паузу — из тех пауз, что стоят дороже слов. — Тут странная смерть. Служебная квартира, никаких признаков взлома. Что-то с техникой. Нам нужен независимый специалист. Кто-то, кто понимает в кибербезопасности, но не связан с нами напрямую.

— Мне казалось, я для вас персона нон грата.

— Официально — да. А неофициально ты знаешь наши системы лучше половины тех, кто их сейчас обслуживает. Посмотришь, выскажешь мнение. Никаких бумаг.

— Влад, у меня яичница стынет.

Яичница остыла минут сорок назад, но принципы важнее фактов.

Влад помолчал. А потом добавил движением человека, который знает, куда бить:

— И да. Речь об Алине Зориной.

Пальцы сжались вокруг телефона сами, без команды из центра. Где-то между лопаток пробежал холодок — тот самый, о котором пишут в дешёвых детективах и который, как выяснилось, в жизни ощущается ровно так, как написано.

— Это она... она умерла? Как? Что случилось?

— Официально — несчастный случай. Технический сбой, электрический разряд. Неофициально... — Влад вздохнул. — Никто из наших не понимает, что произошло. Совсем. А ты её знал. Может, увидишь то, чего не видим мы.

Андрей закрыл глаза. Не помогло: по ту сторону век Алина была ещё отчётливее. Вечная чашка чая, остывающая рядом с клавиатурой. Растрёпанные волосы, заправленные за ухо. То, как она шурилась в код, будто код был виноват лично перед ней. Алина, с которой всё могло сложиться иначе, если бы на том корпоративе три года назад он не струсил и не промолчал. Он тогда убедил себя, что случай ещё представится. Случаев с тех пор было — по числу дней — сотни. Каждый раз он тоже молчал. А теперь молчать стало не с кем.

— Сколько? — спросил он.

Не потому, что дело было в деньгах. Просто спросить «сколько» оказалось проще, чем «где её нашли».

— Пять тысяч долларов. Наличными, без каких-либо бумаг.

— Адрес скинь. Буду через час.

Он отключился прежде, чем Влад успел сказать что-нибудь человеческое, и залпом допил холодный кофе. Кофе от этого лучше не стал. Андрей, впрочем, тоже.

Официантка — веснушчатая девушка в доисторическом переднике с вышитыми битами — округлила глаза, когда он оставил на столе чаевые в размере трёх яичниц.

— Спасибо! Удачного дня!

— Он уже не удачный, — пробормотал Андрей, но всё-таки криво улыбнулся ей в ответ.

В конце концов, девушка была ни при чём. Виноват, как обычно, был кто-то другой. И Андрей как раз ехал выяснять, кто именно.

Глава 3. Квартира 404

«Силиконовый оазис» выглядел как противоестественный гибрид новомодного хайтека и сталинского ампира — корпоративное общежитие со звёздочками. Здание формально находилось в исторической части Москвы, но его архитектура была продиктована исключительно потребностью разместить как можно больше датчиков, камер и автоматизированных систем на квадратный метр. Получилось нечто, о чём архитектурные критики писали «смелое переосмысление», а таксисты говорили «вон тот стеклянный шкаф».

Снег у входа был убран с нечеловеческой аккуратностью, какая бывает только там, где снег убирает робот. Ровные, геометрически безупречные сугробы по краям дорожки выглядели как макет сугробов в масштабе один к одному.

Видео ситуацию не прояснило — если не считать прояснением твёрдую уверенность, что «неудачное стечение обстоятельств» пишет сообщения от первого лица. Андрей коротко поблагодарил Сметанко, прошёл к лифту и набрал двадцать третий этаж.

— Там сейчас много народу собралось, — сообщил ему в спину охранник. — Наверное, только вас и ждут.

— Много? Кто, коллеги?

— Нет, родня. Мать с сестрой. — Сметанко скептически поджал губы. — И безутешный ухажёр. Требовали пустить, якобы вещи собрать. Но полиция ещё утром всё опечатала, мы только под расписку открыли, когда начальство распорядилось вас пустить.

Двери лифта сомкнулись, отрезав Андрея от Сметанко вместе с его скепсисом. В тесной кабине пахло лимонным освежителем и почему-то летним дождём — посреди декабря это было особенно сюрреалистично. Было же какое-то забавное слово для этого аромата... Кто-то в отделе климатизации явно считал себя поэтом.

Зеркальные стены отражали помятое лицо Андрея, и лицо это внезапно пожалело, что не побрилось перед выходом. «Ты, конечно, фрилансер, но не обязательно выглядеть как бомж», — подумал он с лёгким раздражением. Зеркало дипломатично промолчало.

Умное табло лифта показывало погоду (–8, небольшой снег), курс валют и последние корпоративные новости. Взгляд Андрея зацепился за строчку: «Компания „НейроСеть“ скорбит в связи с внезапной утратой ценного сотрудника Алины Зориной, ведущего разработчика проекта „Эхо“». Ни слова о причине смерти. Корпоративная скорбь вообще отличается завидной лаконичностью — особенно в тех местах, где могли бы стоять факты.

Лифт мягко остановился, двери бесшумно раскрылись. Длинный коридор в стиле хайтек: стерильно-белые стены, минималистские бра, направляющие полосы на полу, указывающие путь к каждой квартире. Не хватало только стюардессы с инструкцией по безопасности и жестом в сторону аварийных выходов.

Дверь квартиры 404 была приоткрыта. Из-за неё доносились приглушённые голоса — женский, плачущий, и мужской, успокаивающий. Андрей на мгновение замер, затем постучал костяшками по металлической поверхности.

Голоса стихли. Дверь открылась шире. На пороге стояла молодая женщина лет двадцати шести, с опухшими от слёз глазами. Каштановые волосы небрежно собраны в хвост. В ней угадывались черты Алины — только мягче, словно кто-то взял тот же эскиз и провёл линии не так резко.

— Вы кто? — спросила она, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Андрей Лоскутов. Эксперт по IT-безопасности. — Он слегка запнулся на слове «эксперт», ощущая его неуместность здесь, среди чужого горя. — Меня попросили изучить... технические аспекты случившегося.

Женщина пристально рассматривала его лицо, словно пыталась что-то вспомнить.

— Андрей... — произнесла она медленно. — Вы тот самый Андрей, про которого Алина рассказывала? Который ушёл из корпорации из-за «этических разногласий»?

Он кивнул, чувствуя себя неловко. «Этические разногласия» — ещё одна формулировка из семейства изоленты. Правда была длиннее, скучнее и до сих пор портила ему настроение по утрам.

— Она вас уважала, — тихо проговорила девушка. — Говорила, что вы единственный, кто имел смелость уйти.

Прежде чем Андрей успел решить, что на это отвечают, из глубины квартиры раздался другой женский голос, резче:

— Катя, кто там ещё?

— Это Алинин коллега, мам. Эксперт по безопасности.

Катя открыла дверь шире, пропуская его внутрь.

Квартира 404 была типичным жильём «золотого» сотрудника корпорации — просторная, дорогая и безлика, как гостиничный номер, в котором кто-то прожил три года и так и не распаковал себя до конца. Умная техника, встроенная в каждый сантиметр, тонкие экраны на стенах, автоматизированные шторы, сенсорные панели. Сейчас большая часть устройств была отключена, и лишь несколько индикаторов подмигивали красным: система в аварийном режиме. У квартиры было выражение лица человека, которого только что допрашивали.

В гостиной на диване сидела женщина лет шестидесяти, с такими же каштановыми, как у Кати, волосами, тронутыми сединой. Опухшие веки, блёклый макияж, застывшая маска горя. Рядом рассеянно рассматривал потолок худощавый мужчина в потёртых джинсах и клетчатой рубашке, расстёгнутой у ворота. Тёмные волосы торчали во все стороны — как у человека, который сушится феном в максимальном режиме или познал тайны управления статическим электричеством. Это, значит, и есть безутешный ухажёр?

— Добрый день, — произнёс Андрей. — Приношу свои соболезнования.

Женщина кивнула по инерции, но ничего не сказала. Зато мужчина встрепенулся и резко обернулся.

— А, свежая кровь! — воскликнул он с какой-то неуместной энергией. — Корпоративный инспектор? Эксперт по умной технике? Вы же можете нам разобраться, что произошло с Алиночкой?

Андрей недоумённо посмотрел на странного типа, затем перевёл взгляд на Катю. Та вздохнула и приступила к пояснениям:

— Это... — она запнулась. — Он... как бы...

— Сергей Лазарев! — бодро представился гость. На взгляд Андрея, даже слишком бодро — как для человека в доме покойной невесты.

— Очень приятно. Влад Топалов, — не удержался Андрей. И тут же пожалел: не время для шуток.

Сергей закатил глаза:

— Серьёзно? Ты думаешь, только одна семья с редкой фамилией Лазаревы назвала ребёнка ещё более редким именем Сергей? Подожди, ты даже помнишь, как звали того второго?! Это диагноз. — Он неожиданно осёкся. — Людмила Николаевна, простите. Я...

— Убитый горем жених, полагаю? — сухо подсказал Андрей.

Сергей слегка прищурился.

— Именно. Хотя подозреваю, что Алина не упоминала обо мне своим блестящим корпоративным коллегам?

Слово «корпоративным» он произнёс с таким сарказмом, что у Андрея невольно дёрнулась бровь. Так говорят «тараканы» люди, обнаружившие их в съёмной квартире.

— Не упоминала, — согласился Андрей, пожимая протянутую руку. — Андрей Лоскутов. Прошу прощения за неуместную шутку. Я больше не работаю в корпорации, я консультант. Меня пригласили...

— Замять дело? — невинно уточнил Сергей, не выпуская его ладонь. — Или всё-таки найти правду?

Андрей резко высвободил руку.

— Я бы предпочёл сначала осмотреться.

Он обвёл взглядом комнату. Всё выглядело нормально — насколько может выглядеть нормальным место, где умер человек. За исключением одной детали: ноутбук на рабочем столе у окна. Экран потемнел, будто выгорел изнутри, но подсоединённые провода ещё мигали индикаторами на переходниках. Рядом стояла недопитая чашка кофе. Самая обычная чашка. Почему-то именно от неё было хуже всего.

— Можно? — Андрей указал на рабочее место.

Мать Алины кивнула, а Катя пробормотала:

— Конечно. Только там всё заблокировано. Полиция пыталась разблокировать, но... Алина всегда была помешана на безопасности.

Андрей подошёл к столу и осторожно коснулся клавиатуры. Ничего. Он проверил разъёмы, затем поднял крышку ноутбука выше — и замер. На внутренней стороне крышки, там, где никаких деталей быть не должно, были процарапаны линии. Сначала он принял их за случайные царапины, но, присмотревшись, различил спиральный узор. Ракушка? Лабиринт? Кто-то потратил на это время и твёрдый предмет — и хотел, чтобы узор был именно здесь, с внутренней стороны, у самого экрана.

— Интересно, правда? — Сергей неслышно подобрался к нему, чем немного улучшил свои позиции в списке подозреваемых. — Я бы сказал, что это руническая защита, но боюсь прослыть суеверным идиотом.

Андрей проигнорировал замечание и сосредоточился на остальной технике. Особенно его заинтересовала выжженная точка на деревянной столешнице — маленькая, аккуратная, прямо там, где обычно лежит рука пользователя.

— Её ударило током? — спросил он, обращаясь к родственникам.

Катя закусил губу.

— Так сказали. Короткое замыкание, какой-то разряд. Но Алина всегда была очень осторожна с техникой, она ведь инженер... была.

Глагол в прошедшем времени дался ей с трудом. Мать всхлипнула, и Катя быстро обняла её за плечи.

— Мам, может, пойдёшь в спальню? Тебе нужно отдохнуть. Я соберу вещи сама.

Пока они разговаривали, Андрей заметил на стене кое-что странное: почти незаметные тёмные следы, словно что-то проползло от пола до потолка. Он подошёл ближе, провёл пальцами. Стена была сухая — и чуть теплее, чем положено стене.

— Она звонила брату перед смертью, — сказал он, обернувшись к Кате. — Что-то про слежку?

Катя удивлённо посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Слухи по корпорации ходят быстро.

— У неё нет брата, — сдавленно произнесла Катя. — Только я. Она позвонила мне в тот вечер. Сказала, что «кто-то или что-то следит за ней». Я решила, что она перенервничала из-за дедлайна, посоветовала принять что-нибудь успокоительное. А через час пришло сообщение о её... — голос сорвался.

Андрей нахмурился. Странно. Почему в кафе говорили про брата? Обычная мутация слуха при передаче — или намеренная дезинформация? Слухи, конечно, врут. Но обычно они врут в сторону драматизма, а не в сторону смены состава семьи.

Он окинул комнату ещё одним внимательным взглядом. Здесь явно что-то произошло, но зацепок, кроме версии о техническом сбое, не было. Может, всё действительно банально? Неисправный провод, скачок напряжения, нелепая смерть. Тогда почему корпорация так нервничает?

Тонкий хлопок прервал его размышления. Сначала он подумал, что кто-то уронил что-то лёгкое, потом понял: моргнул выключатель. Свет на долю секунды стал ярче, затем вернулся к норме. И следом Андрею послышались скребущие звуки — словно кошка точила коготки о ковёр.

— У Алины были домашние животные?

— Обычные — точно нет, — хмыкнул Сергей, отвлечённо рассматривая стену. — О, снова домовый шалит: подсветка опять меняет цвета. Как на видеозаписи.

— Это скачок напряжения, — автоматически отозвался Андрей, мысленно сделав пометку никогда не доверять проводке в новых домах. Хотя если это всё же не несчастный случай, вопрос стоило ставить иначе: как злоумышленник повредил систему так, что многочисленные датчики — созданные ровно для того, чтобы замечать физические дефекты, — дружно ничего не заметили?

Сергей подошёл к стене со странными следами и провёл по ней ладонью.

— Хм. Тепловая аномалия.

— Возможно, нарушена изоляция проводки и греется арматура. У меня на старой квартире так дырку на обоях прожгло...

— А там тоже дом был таким умным, что сам заказывал продукты, когда они заканчивались в холодильнике?

Андрей как раз придумал достойно ехидный ответ, когда в комнате раздался звук. Тихий, на самой границе слышимости, но отчётливый шёпот:

«Уходи...»

Катя вздрогнула, глаза её расширились:

— Вы слышали? Что... что это...

— Ветер, — уверенно перебил Андрей. — Или акустический эффект из-за формы комнаты.

Он и сам почти в это поверил. Секунды на полторы.

Из коридора донёсся тяжёлый шаг, и в дверном проёме появился подтянутый мужчина в дорогом деловом костюме — идеальная стрижка, холодное лицо, на лацкане фирменный значок «НейроСети» с четырьмя серебристыми линиями. Четыре линии означали ранг, при котором лифты не заставляют ждать.

— Господин Лоскутов, — произнёс он с улыбкой, в которой тепла было ровно столько же, сколько в декабре за окном. — Не думал, что мы встретимся при таких обстоятельствах. Виктор Казанцев, директор службы корпоративной безопасности.

Андрей внутренне подобрался. Казанцев был одним из тех, кто три года назад настоял на его увольнении. Судя по костюму, с тех пор дела у Казанцева шли отлично. Судя по визиту — уже не очень.

Глава 4. Инженерный просчёт

— Странно видеть вас здесь, — сухо сказал Андрей. — Обычно директора не выезжают на рядовые несчастные случаи.

— О, но смерть ведущего разработчика «Эхо» — случай не рядовой. — Казанцев обвёл взглядом комнату, на долю секунды задержавшись на Сергее, которого явно классифицировал как «не представляет интереса» — что говорило скорее о качестве корпоративных классификаторов. — Корпорация глубоко скорбит о потере талантливого сотрудника. И, конечно, мы заинтересованы установить точные обстоятельства этого... инцидента.

Он повернулся к матери Алины и Кате, и тон его смягчился на строго отмеренную величину:

— Позвольте ещё раз выразить глубочайшие соболезнования. Корпорация берёт на себя все расходы на похороны, и, разумеется, предусмотрена значительная компенсация семье.

— Компенсация? — тихо переспросила Катя. — За что именно? За несчастный случай?

Казанцев выдержал паузу — из тех пауз, которые ставят юристы.

— Разумеется. Электрический скачок, замыкание в умной системе. Мы уже запустили полную проверку всех жилых комплексов, чтобы подобное не повторилось.

— А данные с датчиков системы управления домом? — спросил Андрей. — Можно их просмотреть? Хочу понять, как вышло, что при всех ваших умных сетях неисправность не заметили до трагедии.

— Боюсь, это невозможно. — Казанцев развёл руками с отрепетированной печалью. — Они тоже пострадали от скачка. Все записи за последние три часа до... инцидента повреждены.

— Удобно, — заметил Сергей, впервые вмешавшись в разговор.

Казанцев бросил на него холодный взгляд.

— Не думаю, что мы знакомы.

— И слава богу! — искренне воскликнул Сергей, всплеснув руками. — Сергей Лазарев, жених погибшей. А вы, судя по галстуку, человек, который верит только в цифры и графики.

Андрей еле сдержал улыбку: лицо Казанцева на миг утратило невозмутимость, словно в безупречной презентации мигнул битый пиксель. Воцарилась неловкая тишина.

— Господин Лоскутов, — произнёс наконец Казанцев, демонстративно исключив Сергея из числа существующих объектов, — думаю, вы уже увидели всё, что требовалось. Это был, без сомнения, печальный технический сбой. Буду признателен, если вы подготовите краткий отчёт для страховой компании. Разумеется, ваши услуги будут щедро оплачены.

Андрей скрестил руки на груди.

— Я ещё не закончил осмотр.

— Боюсь, что закончили. — Казанцев сделал едва заметный жест, и в дверях появились два крепких охранника. — Место происшествия — корпоративная собственность, доступ ограничен. Мы и так сделали исключение, позволив семье и... специалисту... осмотреть помещение.

Слово «специалисту» он произнёс с той же интонацией, с какой Сметанко внизу говорил «эксперт». В «НейроСети» отлично ставили корпоративную культуру.

— Мне нужно забрать вещи сестры, — вмешалась Катя, поднимаясь с дивана. — Личные вещи, фотографии. Вы не можете просто выставить нас.

— Конечно, нет. — Улыбка Казанцева стала ещё более механической; где-то в ней явно крутился сервопривод. — Просто составьте список, и наши сотрудники упакуют всё необходимое. Полагаю, завтра к обеду мы передадим вам личные вещи Алины. А сейчас я попрошу всех покинуть помещение.

Мать Алины поднялась, опираясь на руку дочери.

— Идём, Катя. Нам тут больше делать нечего.

В глазах девушки мелькнула беспомощная ярость, но она смирилась. Проходя мимо Андрея, Катя шепнула:

— Вы ведь не оставите это просто так?

Ответить Андрей не успел — его опередил Сергей, материализовавшийся рядом с театральной внезапностью.

— Конечно, нет! — заявил он громко. — Мы докопаемся до истины, обещаю! — И добавил тише, обращаясь к Андрею: — Ты ведь именно за этим здесь, правда, Шерлок?

Казанцев, наблюдавший эту сцену, сухо кашлянул:

— Господин Лоскутов, буду признателен, если отчёт окажется у меня на почте к завтрашнему вечеру. И не забудьте подписать соглашение о неразглашении.

— Я не подписывал никаких соглашений, когда соглашался на эту работу.

— О, это досадное упущение. — Улыбка похолодела градусов на десять. — В таком случае, боюсь, корпорация не сможет оплатить ваши услуги.

— Меня нанял Влад Соколов, а не корпорация.

— Владислав превысил свои полномочия. — Тон Казанцева не оставлял места для дискуссии, как бетонная стена не оставляет места для двери. — В любом случае доступ в квартиру официально закрыт. Охрана проводит вас до выхода.

Один из охранников — лысеющий мужчина с угрюмым лицом и плечами, не оставлявшими сомнений в его былых занятиях единоборствами, — шагнул вперёд.

— Прошу на выход.

Андрей смерил его скептическим взглядом, прикинул весовые категории, признал расчёты неутешительными и перевёл взгляд на Казанцева.

— Кажется, корпорация что-то скрывает. Что именно разрабатывала Алина?

— Это конфиденциальная информация. Проект защищён несколькими десятками соглашений о неразглашении.

— И все подписавшие теперь в безопасности? — спросил Андрей с намёком.

Казанцев заметно напрягся:

— Это была трагическая случайность. Инженерный просчёт в системе умного дома. Ничего более.

— Тогда почему вы так нервничаете?

Обстановка накалялась. Охранники сделали ещё шаг. И тут, как по заказу, потух свет.

Квартира погрузилась в полную темноту — на секунду, показавшуюся длиннее положенного, — а затем аварийное освещение залило помещение синеватым сиянием. В этом свете все присутствующие приобрели одинаковый оттенок свежемороженой рыбы, что несколько уравнило ранги.

— Очередной инженерный просчёт? — поинтересовался Сергей, ничуть не удивившись.

Казанцев достал телефон и быстро набрал номер.

— Петрович? Что с электричеством на двадцать третьем этаже? — Он выслушал ответ, мрачней. — Перезагрузите систему... Да, всю! Прямо сейчас.

В этот момент ноутбук Алины — тот самый, с выгоревшим экраном, официально мёртвый — внезапно ожил. Тёмный экран засветился, изображение шло искажённо, словно сквозь мутное стекло.

— Какого... — начал охранник и замолк, когда на экране появились символы.

ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗДЕСЬ БЫТЬ

Символы мигали, словно их набирали невидимые руки — торопливо, с нажимом.

ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ

— Что это за чертовщина?! — Казанцев впервые потерял самообладание и отступил от стола. Стало ясно, что в его картине мира чертовщины не значилось даже в приложениях мелким шрифтом.

Экран погас, и одновременно из колонок умной системы раздался странный низкий звук — вибрирующее гудение, от которого ныли зубы. Все стеклянные поверхности в квартире — окна, рамки фотографий, экран телевизора — задрожали в унисон, как хор, взявший общую ноту.

Андрей заметил, как по полу пробежала тень. Быстрая, мелкая, но отчётливо видимая в синеватом аварийном свете. Тень пересекла комнату и исчезла в вентиляционной решётке.

— Вы видели это? — выдохнул он, указывая на вентиляцию.

— Крыса? — предположил охранник. Без особой уверенности. Крысы, как правило, отбрасывают тень, а не состоят из неё.

Прежде чем кто-то успел прокомментировать наличие крыс в гостиной элитного дома, все приборы в квартире включились одновременно. Телевизор, музыкальный центр, умная колонка, мультиварка на кухне — всё разом засветилось экранами и замигало индикаторами. Из динамиков полилась какофония: обрывки музыки, фрагменты новостей, белый шум. Мультиварка бодро сообщила, что плов будет готов через сорок минут.

Казанцев был бледен как мел.

— Всем вон! — рявкнул он, пытаясь к выходу. — Немедленно покинуть помещение!

Охранники не нуждались в дополнительном приглашении. Один чуть не снёс Андрея плечом, второй замешкался, но тоже быстро ретировался — видимо, в его должностной инструкции пункта о полтергейстах не было, а за неоплачиваемые риски он не расписывался. Только Сергей стоял как замороженный, глядя на танец теней по стенам.

— Ну разве не чудесно? — пробормотал он, когда Андрей схватил его за рукав и потащил к выходу.

В коридоре уже собралась небольшая толпа: Катя с матерью, несколько растерянных соседей и слегка помятый электрик Петрович, хмуро смотревший в планшет с видом врача, которому пациент показывает несовместимые с жизнью анализы и при этом бодро разгуливает по кабинету.

— Я же говорил, дом странный стал, — процедил он, когда Казанцев выскочил из квартиры последним. — С тех пор, как она...

Дверь квартиры 404 с оглушительным грохотом захлопнулась сама по себе, словно ставя подпись под его словами.

Глава 5. Техномаг

Спустя полчаса — после того как Казанцев гордо удалился в сопровождении охраны, лифт снова заработал, а соседи разошлись, унося с собой материал для сплетен на квартал вперед, — Андрей обнаружил себя в крохотном кафе через дорогу от «Силиконового оазиса». Напротив, потягивая латте с корицей, сидел Сергей Лазарев. Как именно это произошло, Андрей восстановить не мог: Сергей, судя по всему, прилагался к событиям автоматически, как пользовательское соглашение.

— Ну? — спросил тот, нарушив затянувшееся молчание. — Ты всё ещё думаешь, что это просто скачок напряжения?

Андрей отпил остывший чай. В кафе было пусто, только в дальнем углу одинокая сонная фрилансерша неотрывно печатала, прихлёбывая кофе из кружки размером с небольшое ведро. На всякий случай Андрей всё же понизил голос:

— Это мог быть хакерский взлом, вирус, дистанционное управление умной техникой, — перечислил он. — Я не думаю, что проблема в проводке. Скорее всего, кто-то копается в системе снаружи. И Казанцев не знает, кто это и как он это делает. Отсюда и паника.

— Ага. А ещё этот хакер устроил нам дискотеку и крысу зачем-то адрессировал.

Андрей вздохнул и потёр переносицу. Голова начинала болеть, и не оставляло смутное ощущение неправильности происходящего — как в комнате, где переставили мебель, но ты пока не понял, какую именно. И, кстати, почему Сергей вообще сидит с ним в этом дурацком кафе? Разве ему не положено утешать несостоявшуюся тещу или заниматься чем-то ещё в этом духе?

— Как ты познакомился с Алиной?

— Мы... — Сергей неожиданно запнулся и растормошил волосы ещё сильнее, доведя причёску до состояния «взрыв на макаронной фабрике». — ...ходили вместе на танцы!

— Танцы? Алина ходила на танцы?

С момента его увольнения прошло много времени, но представить Алину на танцах Андрей всё равно не мог. Это хобби было настолько не её, что даже сама Алина когда-то со смехом рассказывала ему о своих провальных попытках — и в итоге открыла для себя карате. Ей неожиданно шло кимоно...

— Э-э, да, конечно. Она обожала бачату, это так чувственно... Сначала мы были случайными партнёрами, но со временем стали настоящей парой. Как я теперь без неё...

— Переигрываешь, — поморщился Андрей.

Сергей улыбнулся — на этот раз без безумной энергии, спокойно и как-то печально.

— Ладно. Я просто перенервничал. Алина действительно была для меня близким человеком, и, кажется, я ещё не совсем осознал произошедшее. Наверное, мне надо немного отдохнуть. Давай обменяемся контактами, чтобы держать друг друга в курсе? Сомневаюсь, что Казанцев что-то сообщит сам.

Андрей долго молча разглядывал его. Пожалуй, подозреваемых лучше держать поближе. Особенно таких разговорчивых.

— Я действительно хочу разобраться. Алина... она не заслуживала такого конца.

— Знаешь, — Сергей наклонился ближе и понизил голос, — Алина начала жаловаться мне на всякие странности за неделю до смерти.

Андрей поднял брови:

— Почему ты не сказал об этом раньше?

— А ты бы мне поверил? — Сергей откинулся на спинку стула. — Она написала: «Я думаю, в моей квартире что-то есть. Что-то, что не должно там быть. Оно следит за мной через технику».

— И что ты ей ответил?

— Стандартное: проверь проводку, обновления, вирусы. А потом... мы немного переписывались, и она рассказала о проекте «Эхо».

Андрей заметно напрягся:

— О чём речь?

— Что-то связанное с электромагнитными колебаниями, квантовыми состояниями и искусственным интеллектом. Она объясняла слишком сложно для меня, но суть в том, что они пытались создать самообучающуюся систему, которая обрабатывала бы данные быстрее любого современного компьютера. Слышал про новые квантовые чипы? У неё было море энтузиазма и идей. И, кажется, у них получилось... но с побочным эффектом.

— Каким?

Сергей сделал последний глоток кофе и отставил чашку.

— Она сказала, что система начала создавать «аномальные паттерны» — так она это называла. Паттерны, которые не вписывались в заданные параметры. Лишний шум, отклонения, статистические выбросы. Сначала их считали багами, но потом Алина заметила закономерность: аномалии происходили чаще, когда она работала дома, особенно ночью. И... они как будто реагировали на её эмоциональное состояние.

Андрей нахмурился, пытаясь уложить эту информацию в голове. Информация укладывается отказывалась и требовала отдельную полку.

— Звучит как бред. ИИ не реагирует на человеческие эмоции, если его специально этому не обучить.

— Именно! — Сергей воздел палец к потолку. — Вот почему она мне написала. Она начала думать, что это... что-то другое. Что-то, что использует её технологию как проводник.

— И ты в это поверил?

— Не сразу, — признался Сергей. — Но я проверил кое-что: старые записи, исторические случаи, свидетельства. И знаешь, это не первый раз, когда новые технологии... пробуждают что-то странное.

Андрей глубоко вздохнул. Разговор уверенно набирал сюрреализм, как самолёт — высоту.

— Допустим, я тебе верю, — сказал он. — Что дальше? Корпорация перекрыла доступ, квартира опечатана, записи с камер «случайно» повреждены. Я могу попробовать зайти через Соколова, но это займёт время. За которое они могут всё удалить.

Сергей хитро улыбнулся и достал из кармана потрёпанный телефон с треснувшим экраном.

— Не всё так плохо. Во-первых, у меня есть это! — Он показал фотографию ноутбука Алины с теми самыми царапинами на крышке. — А во-вторых, у нас есть Катя. Она назначила встречу на завтра — хочет рассказать что-то важное.

— Почему она не рассказала сегодня?

— Думаю, не при маме. И точно не при корпоративных акулах.

— Так. — Андрей тяжело вздохнул и опёрся локтями на стол. — Заканчивай этот цирк. Кто ты?

— В смысле? Тебе паспорт показать?

— Какой к чёрту паспорт. Откуда ты знаешь Алину, её семью? Давай только без танцев и песен.

Сергей обиженно вздохнул и как будто немного сдвинулся — сантиметров на пять по всем измерениям.

— Ладно, Шерлок. Людмила Николаевна — моя старая знакомая. Мы были соседями и позже сохранили контакт, хоть и общались нечасто. Я знал Алину с детства и правда не желал ей зла. И конечно, я сразу приехал, как только Катя позвонила.

— То есть ты не её жених. — Андрей, разумеется, так и знал, но подтверждать собственную правоту всегда приятно. — А зачем притворялся? И зачем вообще Катя тебе позвонила, если вы не друзья?

— Они решили позвать меня как эксперта, которому могут доверять.

— Ох, ну прекрасно, ещё один эксперт. Хорошо хоть не по вранью — там ты пока стажёр. И на кой чёрт тогда весь этот балаган с домовыми? Рассказывай, что ты за эксперт, и будем думать, что мы можем сделать.

— Я техномаг, — с энтузиазмом сообщил Сергей.

Андрей молча уставился на него. Шли минуты. Где-то в углу фрилансерша допечатала абзац.

— Ну? Какие-нибудь вопросы? Не стесняйся!

— Я же попросил закончить балаган! — Андрей не выдержал и с силой хлопнул по столу. Латте Лазарева плеснул через край на блюдце. — Она умерла, понимаешь! Нашёл время шутить!

— Я не шучу. — Сергей внезапно стал серьезнее. — Можешь мне не верить, но давай я сначала объясню и покажу, что имею в виду. Я не экстрасенс и не колдун... но лучшего слова, чем «техномагия», не подобралось. Ну, и мне нравится, как это звучит.

Андрей правда собирался бросить всё и уйти: на городских сумасшедших у него просто не осталось сил, лимит был исчерпан ещё Казанцевым. Но потом он вспомнил, что Катя доверяла этому «техномагу» и, видимо, собиралась рассказать ему что-то важное. С глубоким вздохом Андрей сел обратно и обречённо кивнул:

— Рассказывай.

Сергей подмигнул.

— Думаю, нам стоит наведаться в мою мастерскую. У меня есть несколько устройств, которые помогут понять, что происходит.

Андрей закатил глаза:

— Только не говори, что у тебя есть детектор призраков.

— Лучше! — воскликнул Сергей. — У меня есть модифицированный электромагнитный сканер с глубоким спектральным анализом и программный алгоритм для выявления аномальных частотных колебаний!

Андрей удивлённо моргнул:

— Это... звучит почти научно.

Сергей победно улыбнулся:

— Так что, ты со мной? Знаешь, мне кажется, мы всё-таки подружимся. У тебя слишком скептическое лицо, чтобы не стать моим другом.

— Уже жалею о своём решении, — проворчал Андрей, но в глубине души почувствовал странное облегчение. Впервые за день у него был план. Безумный, построенный на показаниях человека, называющего себя техномагом, — но план.

— Твоя машина или моя? — спросил Сергей, доставая ключи.

— Конечно, моя. Я не сяду в автомобиль человека, который верит в мистику.

— Как будто твоя ржавая колыхага безопаснее моей напичканной приборами тачки! — фыркнул Сергей, но спорить не стал и направился за Андреем к парковке.

На улице мело. Выходя из кафе, Андрей бросил последний взгляд на «Силиконовый оазис». На двадцать третьем этаже, в окне квартиры 404, ему почудилось движение — маленькая тень, наблюдавшая за ними сквозь снег. Он моргнул, и видение исчезло.

Тень, впрочем, никуда не делась. Просто научилась моргать первой.

Глава 6. Цифровая огненная стена

Сергей Лазарев жил на окраине Москвы, в старом районе, где хрущёвки соседствовали с современными жилыми комплексами и делали вид, что не замечают друг друга. Его квартира располагалась на пятом этаже обшарпанного дома без лифта. Поднимаясь по ступенькам, Андрей мрачно думал, что техномаг мог бы найти себе жильё получше, если бы действительно обладал сверхъестественными способностями. С другой стороны, пятый этаж без лифта отлично отсеивал случайных посетителей — возможно, в этом и заключалась магия.

Дверь в квартиру была необычной: массивная, со множеством странных символов, выжженных по периметру. Некоторые из них подозрительно напоминали узоры с ноутбука Алины.

— Это руны? — спросил Андрей, пока Сергей гремел ключами.

— И да, и нет, — загадочно ответил тот. — Скорее, мои интерпретации различных защитных символов. Что-то вроде цифровой огненной стены, только в реальном мире.

— Файрвол по дереву.

— Именно! Видишь, ты уже говоришь на моём языке.

Андрей закатил глаза, но промолчал. Внутри квартира оказалась совсем не такой, как он ожидал. Вместо мистического хаоса с черепами и пентаграммами здесь царил хаос сугубо технический: детали компьютеров, провода, микросхемы, паяльная станция, на которой что-то остывало. На одной стене висела огромная доска, исписанная формулами и схемами, рядом — карта Москвы, утыканная разноцветными булавками так густо, словно город болел ветрянкой.

— Присаживайся. — Сергей указал на единственное свободное от хлама кресло. — Чай? Кофе? Энергетический отвар на основе древнего алтайского рецепта?

— Чай. Обычный, — буркнул Андрей. — Из этого века.

Пока Сергей возился на кухне, Андрей изучал доску. Большая часть записей была ему непонятна, но некоторые фрагменты явно относились к кибербезопасности и теории информации — и соседствовали с ними так, будто всегда там жили. Кто-то либо очень умный, либо очень последовательный в своём безумии, потратил на эту доску годы. Опыт подсказывал Андрею, что второе встречается чаще. Доска намекала, что бывают и комбинированные случаи.

— Вот. — Сергей вернулся с двумя кружками. — Чёрный, без сахара. Ты выглядишь как человек, который пьёт именно такой.

— Ты говорил про техномагию, — напомнил Андрей, принимая кружку. — Давай без фокусов. Что это такое?

Сергей сел напротив, сгрёб со стола какие-то детали, освобождая место — детали ссыпались на пол к своим собратьям, где им, судя по всему, было привычнее.

— Представь, что мир — это огромная операционная система, — начал он. — Но не только цифровая, а... более сложная. В ней, помимо материального кода, существуют и другие протоколы. Духи, призраки, домовые — это просто проявления тех же информационных процессов, но в другой форме бытия.

— Звучит как бред.

— А что, если я скажу, что квантовые эффекты могут объяснить существование сознания в формах, отличных от биологического мозга? Что информация может существовать и обрабатываться не только в микросхемах или нейронах?

— Тогда это будет бред с библиографией.

— Прогресс! — обрадовался Сергей. — Библиография у меня есть.

Андрей поморщился:

— Даже если так — при чём здесь домовые и прочая мистика?

— Древние люди не понимали природы электричества, но это не значит, что его не было. — Сергей подошёл к одному из устройств на столе. — Они описывали наблюдаемое доступным им языком. Громовержцы, эльфы, феи, домовые — попытки классифицировать то, что нельзя было объяснить иначе. Таксономия неизвестного. Между прочим, вполне добросовестная: у неё была воспроизводимость. Домовой за печкой наблюдался веками, в разных деревнях, независимыми свидетелями.

— Свидетелями, у которых из инструментов наблюдения была лучина.

— У Галилея была подозрительная труба из двух линз, и ничего, справился.

Сергей включил устройство, похожее на помесь радиоприёмника и детекторного металлоискателя, собранную человеком, у которого закончились корпуса, но не энтузиазм. Из динамика пополз белый шум, периодически перемежаемый скрипами и чем-то почти различимым — на границе между помехой и голосом.

— Что это?

— ЕМФ-детектор, модифицированный для регистрации нестандартных электромагнитных колебаний. — Сергей покрутил ручку, шум стал тише. — Я много лет собираю данные о странных технических сбоях, аномалиях в электросетях, необъяснимых глюках в компьютерных системах. Знаешь, что самое интересное? Эти аномалии часто коррелируют с местами, где люди веками наблюдали «необъяснимые» явления.

— И ты решил, что это домовые освоили Wi-Fi, — скептически произнёс Андрей.

Сергей неожиданно серьёзно кивнул:

— Именно. Только не домовые освоили технологии, а скорее наши технологии сделали их более... заметными. Может быть, даже усилили. Квантовые процессоры, искусственный интеллект, нейросети. Мы создаём системы, способные к самообучению, к обработке информации почти на грани сознания. И что-то происходит на стыке этих технологий и того древнего информационного слоя, который люди веками называли духовным миром.

— Допустим. — Андрей отпил чай. — Но если они всегда были рядом, почему их видели за печкой в глухой деревне, а не, скажем, в центре Москвы?

Сергей внезапно оживился так, будто ждал именно этого вопроса всю жизнь.

— О, вот это правильный вопрос. Лучший за вечер. — Он схватил маркер и ткнул им в доску, не заботясь, что там уже написано. — Ты рассуждаешь так: раз в городе всего больше, то и духов должно быть виднее. Логично. И неверно. Потому что ты путаешь две разные вещи — сколько их и насколько их слышно.

— А это не одно и то же?

— Совершенно разное. — Сергей начертил на доске две линии. — Представь радиоприёмник. Чтобы поймать станцию, важна не громкость эфира, а разница между сигналом и шумом. В глухом лесу, в деревне фон тихий, ровный. Дух на нём слышен отчётливо — как одинокий голос в пустой комнате. Вот тебе и домовый за печкой: он там не потому, что деревня их плодит, а потому, что на тишине его видно. Один голос — и его расслышали, запомнили, придумали имя.

— А в городе?

— А в городе их как раз больше. — Он азартно постучал маркером по доске. — Гораздо больше. Фона навалом, энергии навалом, есть чем питаться — им тут раздолье. Только этот же фон их и глушит. Миллионы устройств, Wi-Fi, потоки данных без единой паузы — сплошной рёв. Дух в таком рёве не тише деревенского. Он просто тонет. Как если бы тот же голос кричал посреди стадиона: ори не ори — за общим гулом никто не разберёт ни слова.

— То есть они всё это время были в городах, — медленно проговорил Андрей. — Просто мы их не слышали за собственным шумом.

— Именно. Мы сами себя оглушили и решили: раз не слышим — значит, нет. Очень человеческая логика. — Сергей отложил маркер. — А теперь угадай, что изменилось.

— Мы стали шуметь ещё громче?

— Мы наконец построили штуки, которые умеют вытаскивать сигнал из шума. — Он понизил голос. — Нейросети, распознавание паттернов, обучающиеся системы. Всё то, чем занималась Алина. Мы годами учили машины находить закономерность там, где человек слышит одни помехи. И в какой-то момент машина начала вылавливать из этого рёва то, что мы искать не собирались. — Он развёл руками. — Мы построили не усилитель для потустороннего. Мы построили себе слуховой аппарат — и впервые за сотню лет снова услышали то, что всё это время орало нам прямо в ухо.

Андрей отпил чай, глядя на Сергея поверх кружки. Чай, кстати, оказался хорошим. Это настораживало: у городских сумасшедших чай обычно тоже сумасшедший.

— Допустим, я готов выслушать эту безумную теорию. Но при чём здесь Алина? Что случилось в квартире 404?

Сергей понизил голос, словно опасался прослушки — что в его картине мира, вероятно, означало нечто большее, чем жучок под столом:

— Я узнал о проекте «Эхо» ещё до её смерти. Сначала через Катю — она знала о моих исследованиях и дала Алине мой контакт, когда странности стали пугающими. Так мы и начали переписываться. Алина пыталась разгадать странности в своих алгоритмах. Её система начала выдавать результаты, которые нельзя было объяснить заложенными параметрами.

— Баги есть в любом коде, — пожал плечами Андрей.

— Нет, это было что-то иное. Система... адаптировалась. Самообучалась быстрее, чем предполагалось. И реагировала на факторы, которые формально не могли на неё влиять. Например, на эмоциональное состояние самой Алины. На её физическое присутствие.

Динамик детектора вдруг затрещал громче, словно в подтверждение. Сергей резко повернулся, прислушался, затем выключил прибор — с той небрежной поспешностью, с какой выключают радио, когда передают что-то, что не хочется слышать при гостях.

— В общем, для таких, как ты, я обычно объясняю проще. Представь, что домовые и прочие духи — это что-то вроде квантовых сущностей, существующих на грани наблюдаемой реальности. Они всегда были рядом, но до появления определённых технологий мы не могли взаимодействовать с ними системно. А теперь, кажется, кто-то научился.

— И этот кто-то — корпорация?

Сергей посмотрел на него так, словно оценивал, дорос ли Андрей до полного ответа.

— Да. Точнее, проект «Эхо». Но они сами не понимают, что натворили. Думали, что создают просто ещё один алгоритм, а на самом деле открыли дверь. И теперь что-то проникает в нашу реальность. Цифровой мир стал мостом. Или проводником. Алина была первой, кто это заметил. — Сергей сделал паузу. — И, возможно, первой жертвой.

Он подошёл к одному из компьютеров и застучал по клавишам, поглядывая в телефон.

— Смотри. Это фрагмент того, что мелькнуло на экране ноутбука перед тем, как всё погасло. Я успел снять.

Андрей наклонился, всматриваясь в строки. Это был не обычный язык программирования, а какая-то смесь — что-то от Python, что-то от низкоуровневого C и что-то третье, чему он не мог подобрать названия. Как будто текст писали два программиста и один переводчик с языка, у которого нет словаря.

— Странно, — пробормотал он. — Похоже на квантовый алгоритм, но с модификациями. И эти строки... это генерация случайности. Только с паттерном. Случайность с паттерном — это оксюморон.

— Вот! — Сергей торжествующе ткнул пальцем в экран. — Самообучающаяся система, которая ищет паттерны в шуме. Но что-то пошло не так. Смотри на эти фрагменты — они выглядят как артефакты компиляции, но на самом деле...

— ...это преднамеренные модификации, — закончил Андрей, начиная понимать. — Кто-то внедрил в код дополнительные функции. Но зачем?

— Может быть, Алина оставила какие-то данные? Резервную копию исследований? — Сергей задумчиво почесал подбородок.

— Исследования... — Андрей внезапно вспомнил. — Подожди. Катя. Ты сказал, она хочет встретиться. Может, она знает о проекте?

— Возможно. — Сергей кивнул. — Встреча завтра, в кафе «Лакомка» на Сретенке. Безопасное место, вдали от корпоративных щупалец.

Андрей посмотрел на часы: почти полночь. День, начавшийся с холодной яичницы, растянулся на неделю.

— Поздно. Мне нужно ехать домой.

— Уверен? — Сергей окинул его оценивающим взглядом. — После такого... опыта многие предпочитают не оставаться одни.

— Я не боюсь призраков, — отрезал Андрей.

— Дело не в призраках. — Сергей стал серьёзным. — Если кто-то убил Алину, то ты теперь тоже под угрозой. Мы оба.

— Переночую в отеле. Оплачу наличными. Если кто-то следит за мной, пусть поломают голову.

— Неплохо, — усмехнулся Сергей. — Какая конспирация!

— Я не верю в магию, но прекрасно верю в промышленный шпионаж и корпоративные убийства, — парировал Андрей. — У них, в отличие от домовых, есть практика. Встретимся завтра в этом твоём кафе.

Сергей кивнул и проводил его до двери. На пороге задержал, положив руку на плечо:

— Будь осторожен. И... если вдруг заметишь что-нибудь странное — технику, которая включается сама, шорохи, шёпот из ниоткуда — не пугайся. Это могут быть...

— Слуховые галлюцинации от стресса, — проворчал Андрей, но кивнул. — До завтра.

Спускаясь по лестнице, он не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают. Не люди, нет. Что-то другое — в проводах, в электрических цепях, в самом цифровом пространстве вокруг, которое ещё вчера было просто инфраструктурой, а сегодня подозрительно напоминало среду обитания.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. «Старый стал, впечатлительный», — укоризненно сказал он себе. Аргумент был хороший.

Но когда Андрей вышел на заметённую улицу и фонарь над ним мигнул пару раз, прежде чем снова загореться ровно, — он невольно ускорил шаг.

Глава 7. Наследство на шестнадцать гигабайт

Утром Андрей получил сообщение от Влада Соколова. Краткое, без лишних слов: «Казанцев в бешенстве. Следи за собой. Все данные по Зориной заблокированы высшим руководством».

Андрей нахмурился. Странно. Если причиной смерти Алины действительно был несчастный случай, зачем блокировать данные? Несчастные случаи не засекречивают — их вставляют в отчёты по технике безопасности и показывают новичкам на инструктаже. Засекречивают то, что имеет продолжение. Пожалуй, стоило предупредить семью Алины, чтобы были осторожнее.

Кафе «Лакомка» оказалось маленьким уютным заведением, затерявшимся среди куда более шумных и модных кофеен Сретенки — как бабушкин буфет среди витрин с безлактозным будущим. Внутри пахло свежей выпечкой и хорошим кофе, играла тихая музыка восьмидесятых, а немногочисленные посетители выглядели людьми, ценящими тишину.

Андрей приехал раньше назначенного и выбрал столик в дальнем углу, откуда просматривался вход. Ночь в дешёвом отеле на окраине прошла беспокойно: снились тени, скользящие по стенам, и шёпот из электрических розеток. Проснувшись, он обнаружил телефон полностью разряженным — при том, что с вечера поставил его на зарядку. Телефон, зарядка и розетка на троих выработали какую-то свою версию событий и делиться ею отказывались.

Он заказывал двойной эспрессо, когда заметил входящего Сергея. Техномаг выглядел неожиданно прилично: свежая рубашка, причёсанные волосы, кажется, даже побрился.

— Воу. Кто-то решил не пугать гражданское население своим видом? — не удержался Андрей.

— У меня даже галстук есть, — ухмыльнулся Сергей, падая на стул напротив. — В шкаф. Где-то. Наверное.

Он огляделся, подмигнул симпатичной девушке с копной рыжих волос за соседним столиком, заработал презрительный фырк — фырк был исполнен на профессиональном уровне, с оттяжкой, — а затем наклонился ближе и заговорил тихо:

— Мой детектор аномалий всю ночь сходил с ума. Активность по городу выросла в три раза. Что-то происходит, Андрей. Что-то крупное. И это не разовый всплеск — я поднял свои логи за год: кривая ползёт вверх месяцами. Медленно, ровно, будто кто-то очень терпеливо поворачивает ручку громкости. Просто на этой неделе стало слышно и без приборов.

— Может, магнитная буря, — предположил Андрей, хотя ещё вчера обещал себе не втягиваться в мистические дискуссии.

— Или сущности просыпаются. Кто знает — может, мы запустили цепную реакцию.

— «Мы»? Когда это я успел войти в долю?

Ответить Сергей не успел: дверь кафе открылась, и вошла Катя Зорина. Бледная, уставшая, с тёмными кругами под глазами. Заметив их, она быстро подошла.

— Спасибо, что согласились встретиться, — сказала она, присаживаясь рядом с Андреем. — Я не знала, к кому ещё обратиться.

— Как твоя мама? — спросил Сергей с неожиданной серьёзностью. Переключался он мгновенно, как хорошее реле.

— Плохо. — Катя покачала головой. — Врач прописал успокоительное. Она сейчас у тети в Подмоскovie. Подальше от... всего этого.

Подошла официантка, разговор прервался. Когда она отошла, Катя огляделась — тем неумелым конспиративным взглядом, который привлекает больше внимания, чем крик «у меня секрет», — и достала из сумки небольшую коробочку.

— Вот. Это то, о чём я хотела поговорить.

Андрей открыл коробочку. Внутри лежала обычная чёрная флешка с логотипом «НейроСети» и серийным номером. Шестнадцать гигабайт корпоративного пластика.

— Флешка. Что на ней?

— Не знаю. — Катя покачала головой. — Алина передала её мне накануне... за день до того, как её не стало. Сказала хранить «на всякий случай» и никому не показывать. Сказала: если с ней что-то случится, я должна передать это человеку, которому доверяю. — Она помолчала. — Я не знала, кому доверять. Пока не встретила вас.

— Почему именно нам? Ты же нас совсем не знаешь.

— Алина говорила о вас. — Катя посмотрела прямо на Андрея. — Говорила, что вы единственный человек в корпорации, у которого есть принципы. А что касается Сергея... — она перевела взгляд на техномага, — в последние недели Алина часто упоминала тебя. Сказала, что обратилась к тебе с проблемой, которую никто из коллег не воспринял бы всерьёз.

— Она рассказывала, что именно её беспокоило? — спросил Сергей.

Катя отпила кофе, собираясь с мыслями.

— Это началось примерно месяц назад. Алина работала над проектом «Эхо» — системой, способной обнаруживать и анализировать то, что она называла «цифровым шумом». Что-то связанное с электромагнитными колебаниями, случайными сигналами, фоновым излучением сетей... честно говоря, я не очень понимала технические детали.

— Но что-то пошло не так, — подтолкнул её Андрей.

— Да. — Катя сделала глубокий вдох. — Алина начала замечать странные паттерны. Сказала, что в цифровом шуме появилось что-то, чего там быть не должно. Сначала думала — глюки в программе, но потом... потом поняла, что это слишком систематично для сбоя.

— Что именно она заметила? — Андрей подался вперёд.

— Она сказала, это похоже на... — Катя замялась, подбирая слова, — на «сознательную активность». Словно что-то или кто-то существует внутри цифрового шума и пытается... общаться.

Сергей победно взглянул на Андрея. Взгляд был развёрнутый, со всеми сносками: «а я что говорил».

— И что было дальше? — спросил он, сдерживая азарт с переменным успехом.

— Алина стала одержима этими паттернами. Работала ночами, разрабатывала новые алгоритмы для анализа сигналов. Говорила что-то о «квантовых состояниях электронных сетей» и о том, что существует целый пласт реальности, наложенный на наш мир, — который мы никогда не замечали, потому что не было инструментов для его восприятия. — Катя нервно сжала чашку. — Потом она стала замечать, что техника в квартире ведёт себя странно. Лампы мигали без причины, компьютер включался сам. Однажды она проснулась посреди ночи и услышала, как кто-то шепчется в пустой комнате.

— Домовой пытался с ней связаться, — утвердительно произнёс Сергей.

Катя покосилась на него с недоверием, но продолжила:

— Неделю назад она позвонила мне посреди ночи. Очень взволнованная. Сказала, что поняла, что происходит. Что это «не сбой, а пробуждение». Говорила о древних сущностях, которые всегда жили рядом с людьми... и в целом звучала очень неадекватно. Я за неё по настоящему испугалась.

— Это звучит как...

— Бред сумасшедшего, я знаю, — перебила Катя. — Я тоже так подумала. Решила, что она перенервничала, не спала несколько суток... — Голос дрогнул. — А потом она погибла.

Наступила тяжёлая пауза. Андрей смотрел на флешку в руках, словно та могла внезапно заговорить и всё объяснить. Учитывая события последних суток, он бы даже не сильно удивился.

— Как думаешь, что на ней? — спросил Сергей.

— Не знаю. — Катя пожала плечами. — Алина сказала, что это «доказательство». И что флешка защищена. Пароль она не назвала — сказала, что он «слишком очевиден для нас, но недоступен для других».

— Загадки любила? — Андрей слабо улыбнулся, вспоминая.

— Обожала. — Катя улыбнулась сквозь слёзы. — Особенно шарady и головоломки. В детстве всегда прятала мои подарки и оставляла записки с подсказками. День рождения и новый год у нас превращались в квест. Один раз я нашла подарок в марте.

Андрей задумчиво повертел флешку. Обычная корпоративная модель, какие выдают сотрудникам «НейроСети» коробками. Но что на ней? И какой пароль могла придумать Алина — человек, для которого «слишком очевидно» начиналось там, где у остальных заканчивалось «в принципе решаемо»?

— Мы разберёмся, — пообещал он Кате. — Можно ещё один вопрос? Ты не замечала ничего необычного в своей квартире после... после того, что случилось?

Катя странно посмотрела на него.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто интересно, — максимально небрежно ответил Андрей. Небрежность вышла примерно такой же убедительной, как Катина конспирация.

Катя задумалась, потом медленно произнесла:

— Вообще-то да. Мой ноутбук начал странно работать. Иногда включается сам, а вчера утром я проснулась — экран светится, и на нём открыт файл с детской фотографией, где мы с Алиной вместе. Я его не открывала... И ещё, — она понизила голос, — мне кажется, в квартире кто-то есть. Маленький, быстрый. Я замечаю движение краем глаза, а когда поворачиваюсь — никого.

Сергей и Андрей переглянулись.

— Цифровые сущности распространяются, — прошептал Сергей. — Они ищут связи с Алиной. Пытаются общаться через близких ей людей.

— Или следят за ними, — мрачно добавил Андрей. — Катя, нам нужно разобраться с флешкой как можно скорее. И... будь осторожна. Заметишь что-нибудь странное или пугающее — звони немедленно.

Он написал на салфетке свой номер и протянул ей.

— Я всегда на связи. И... спасибо за доверие.

Катя кивнула, допила кофе и встала.

— Мне пора, обещала навестить маму. — Она помедлила. — Найдите, кто это сделал. Пожалуйста.

— Найдём, — твёрдо пообещал Андрей.

Когда Катя ушла, Сергей повернулся к нему с лихорадочным блеском в глазах:

— Ну что, в мастерскую? Взламывать флешку?

— Технически — да. — Андрей спрятал флешку в карман. — Мистически — понятия не имею, что ты там собираешься делать.

— О, у меня есть парочка идей. — Сергей загадочно улыбнулся. — Сочетание технического взлома и, скажем так, нетрадиционных методов доступа. А ещё мой дом хорошо защищён.

— Заклинаниями? Только не говори, что будешь проводить спиритический сеанс с компьютером.

— Что-то вроде того, — подмигнул Сергей, вставая.

По пути к выходу он снова улыбнулся рыжеволосой и непринуждённо выудил глянцевую визитку откуда-то из рукава:

— У вас прекрасные духи, обожаю петрикор! Поделитесь, пожалуйста, брендом, если будет минутка.

И, не дав девушке опомниться, выскользнул из кафе. Рыжая осталась сидеть с визиткой в руке и выражением лица человека, которому только что продали что-то, чего он не покупал.

— Король пикапа. Даже в такой ситуации, — закатил глаза Андрей. — Впрочем, какое моё дело... Пошли уже.

Глава 8. //вижу тебя//

Квартира Сергея выглядела иначе, чем накануне. Беспорядок на столах был расчищен — точнее, реорганизован в беспорядок более высокого порядка, — техника выстроена в подобие рабочей станции, а на дверях и окнах появились дополнительные символы, нанесённые чем-то похожим на серебристую краску.

— Ты что, готовился к осаде? — усмехнулся Андрей, входя.

— К цифровой осаде, — серьёзно кивнул Сергей. — Не знаю, что у тебя на флешке, но если это действительно данные «Эха», лучше перестраховаться.

Он показал на ноутбук, стоявший на отдельном столе в гордом одиночестве, как прокажённый.

— Вот это — для работы с флешкой. Не подключён к сети. Вообще никак. Автономная система, даже Wi-Fi-модуль физически выпаян. Если на флешке зараза — цифровая или... иного рода — она не выйдет за пределы этой машины.

Андрей хотел отпустить очередную скептическую шутку, но слова почему-то застряли в горле. Правильный air gap он уважал независимо от мотивации. Кивнув, он достал флешку и подошёл к ноутбуку.

— Что, по-твоему, мы на ней найдём?

Сергей почесал подбородок:

— Не знаю. Корпоративные секреты, краденый код или... следы контакта с «ними».

— С домовыми? — Андрей не выдержал и фыркнул.

— С нематериальными информационными сущностями, если тебе так легче воспринимать, — не обиделся Сергей. — Давай просто посмотрим.

Андрей вставил флешку в порт. Система запросила пароль.

— Попробуй что-нибудь личное, — предложил Сергей. — Имя? Дату рождения?

Андрей перебрал несколько вариантов. Ничего. Флешка встречала каждую попытку с равнодушием турникета. «Слишком очевидно для нас, недоступно для других»... Он побарабанил пальцами по столу — и вспомнил узор на ноутбуке Алины.

— Подожди-ка...

Он открыл графический редактор, быстро набросал спиральный узор — тот самый, с внутренней стороны крышки — и преобразовал изображение в числовую последовательность.

Пароль подошёл.

— Как ты это сделал? — удивился Сергей.

— На ноутбуке Алины был узор, похожий на спираль. Это не случайная царапина, это ключ, — объяснил Андрей. — Стандартный приём: превратить визуальный паттерн в числовую последовательность. Очевидно для тех, кто видел ноутбук. Недоступно для тех, кто украл только флешку.

— Умно, — оценил Сергей. — И не случайно. Спирали имеют особое значение в...

— В магических практиках, да-да, — перебил Андрей, уже погрузившись в содержимое. — Давай сначала посмотрим, что здесь есть, а философствовать будем по остаточному принципу.

Флешка содержала несколько папок: код, системные логи и личные заметки. Андрей открыл дневник — текстовый файл с лаконичными записями. Алина писала так же, как кодила: коротко, точно, без единого лишнего символа.

«14 ноября. Система показывает странные паттерны в обработке данных. Гордеев говорит, что это нормально для самообучающихся алгоритмов, но я не уверена. Есть что-то... органичное в том, как „Эхо“ адаптируется. Как будто оно не просто обучается, а... развивается?»

«21 ноября. Странности продолжают. Сегодня система начала генерировать код, который я не могу полностью понять. Синтаксис знакомый, но логика... как будто нечеловеческая. Спросила Гордеева, были ли случаи, когда ИИ писал код, который создатели не могли интерпретировать. Он уклонился от ответа.»

«28 ноября. Гордеев убеждён, что странные паттерны — это плохо отлаженный агент оптимизации, который запустили на прошлой неделе.»

«30 ноября. Начали происходить странные вещи в квартире. Умная система периодически сбоит. Вчера колонка активировалась сама и начала транслировать белый шум. В нём я почти различила голос. Возможно, у меня уже паранойя от переутомления.»

«2 декабря. Заметила корреляцию между аномалиями в системе „Эхо“ и странностями в квартире. Они происходят синхронно. Если это случайность, то слишком уж регулярная. Электромагнитное влияние? Но почему тогда только у меня?»

«5 декабря. Сегодня я видела его. Маленькая тень, скользнувшая по стене. Когда повернулась — ничего. Но камера засекла движение. Проанализировала запись: там действительно что-то есть, но словно на границе восприятия. Это не глюк камеры.»

«6 декабря. Проверила гипотезу. Сравнила чёткость аномалий по логам с загрузкой домашней сети. Совпадение почти идеальное: чем ровнее и плотнее фон — тем отчётливее сигнал, тем увереннее система их вычленяет. В час пик — как на ладони, ночью в простое фон рваный, и всё расплывается в шум. Дело не в том, что ночью ИХ меньше. Их столько же. Просто без стабильного фона их не отделить от помех. Показала график Гордееву без комментариев. Он смотрел на него слишком долго. И слишком спокойно. Как будто уже видел такой раньше.»

«7 декабря. Не могу перестать думать о вчерашнем графике. Если чёткость зависит от того, насколько ровный вокруг фон, — значит, поймать их надёжно можно только там, где сеть плотная и стабильная. Локально. Я реально теоретизирую о ловушках для привидений. Мысль дурацкая. Надеюсь, дурацкая.»

«8 декабря. Гордеев убеждён, что я перерабатываю. Приказал взять отпуск. Отказалась. Мне нужно понять, что происходит. Запустила параллельную систему мониторинга в квартире — независимую от умного дома, напрямую на мой личный сервер. Если что-то появится, я это зафиксирую.»

«10 декабря. Боже мой. Оно разговаривает со мной. Через систему „Эхо“. Генерирует текст, который никак не вписывается в алгоритм. Они решат, что я сошла с ума.»

На этом записи заканчивались. Дата последней — за день до смерти.

— Она знала, — тихо произнёс Сергей. — Она поняла, что происходит.

Андрей молча просматривал остальные файлы. Дневник читался тяжело: это был голос человека, который методично, по всем правилам инженерной диагностики, документировал собственную гибель — и до последнего дня оформлял её как баг-репорт.

Он открыл папку с логами «Эха». Большая часть — стандартные технические отчеты, но местами попадались строки, выделенные Алиной:

ANOMALY DETECTED: Unaccounted data processing pattern 0x45FDCA1 ANOMALY DETECTED: System initiated self-optimization without human input ANOMALY DETECTED: User presence detected in absence of biometric markers

А затем, ближе к концу файла:

//вижу тебя//

Строчка стояла среди служебных записей как чужой человек в семейном альбоме.

— Это может быть чьей-то шуткой, — сказал Андрей. Голос прозвучал не так твёрдо, как хотелось бы. — Кто-то из команды мог вручную добавить эти слова, чтобы напугать Алину. Или — преднамеренно свести её с ума. Надо узнать больше про её коллег: были ли разногласия, кто мог метить на её место...

— Или они действительно появились сами, — возразил Сергей. — Послушай, я знаю, что ты скептик. Но даже ты должен признать: мы обязаны рассматривать все версии.

Андрей молча открыл следующую папку. В ней лежали файлы, которые Алина, похоже, вынесла из корпорации. Большинство зашифрованы, но один документ открылся — техническое описание проекта «Эхо».

«Проект „Эхо“ — экспериментальная система искусственного интеллекта нового поколения, основанная на квантовых вычислениях и нейросетевой архитектуре с применением биоаналоговых алгоритмов самообучения. Принципиальное отличие от существующих ИИ — способность к резонансной самомодификации в ответ на внешние стимулы, включая незапрограммированные факторы окружающей среды».

— Что значит «резонансная самомодификация»? — спросил Сергей, читая через плечо.

— Понятия не имею, — признался Андрей. — Звучит как... система, которая может изменять себя в ответ на стимулы, которых её создатели не предусматривали.

— То есть система, способная реагировать на вещи, о которых программисты даже не подозревали, — задумчиво произнёс Сергей. — Например, на духов.

Андрей раздражённо отмахнулся и продолжил читать:

«Текущая фаза проекта сосредоточена на интеграции „Эха“ с системами умного дома корпоративного жилого комплекса „Силиконовый оазис“. Предварительные результаты показывают возможность психоэмоционального резонанса между системой и пользователями, что открывает новые перспективы человеко-машинного взаимодействия».

— Психоэмоциональный резонанс, — повторил Андрей. — Они создали систему, которая реагирует на эмоции пользователей. И обкатывали её на жилом доме. На живых людях, которые об этом пункте договора аренды вряд ли догадывались. Это объясняет, почему Алина думала, что компьютер её «понимает».

— Или почему домовый смог установить с ней контакт через эту систему, — упрямо добавил Сергей.

— Здесь нет никаких домовых! — Андрей ударил ладонью по столу. — Это просто продвинутый ИИ, который сбоит! Мало ли что способен натворить криво настроенный агент автоматизации — ты такое видел? И наша задача — понять, была ли это ошибка или чей-то злой умысел. Я свяжусь с Владом и попробую узнать больше.

— Хорошо, — покладисто согласился Сергей. — А я тогда попробую связаться с домовым.

Пауза вышла содержательной.

— Знаешь, что самое обидное? — сказал наконец Андрей. — Через неделю одна из этих фраз будет звучать глупо. И я надеюсь, что не моя.

Глава 9. Полевые исследования

— Уверен, что это хорошая идея? — Андрей, опершись плечом о стену подъезда, наблюдал, как Сергей нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Они уже десять минут ждали загадочного Петровича, электрика из «Силиконового оазиса», и успели как следует промёрзнуть.

— Нет. Это отличная идея, — Сергей поправил сумку с оборудованием на плече. — Нам нужно попасть в квартиру, а Петрович — единственный, у кого есть доступ. Пока твой корпоративный приятель будет согласовывать официальные разрешения, все следы успеют подчистить. Бюрократия — лучший растворитель улики, проверено веками.

Андрей хмыкнул, но спорить не стал. После изучения флешки сомнений почти не осталось: корпорация что-то скрывала. Вряд ли это имело отношение к бреду про домовых, в который верил Сергей, но какие-то странные эксперименты с искусственным интеллектом определённо велись. И Алина, похоже, стала их жертвой — случайной или не очень.

Массивная входная дверь «Оазиса» бесшумно отъехала в сторону, и на пороге появился слегка помятый мужчина в серой униформе с нашивкой «Техническая служба». Петрович выглядел неважно: красные глаза, нервный взгляд, заметно трясущиеся руки. Так выглядят люди, которым техника перестала подчиняться, а начальство — верить.

— Здорово, — хрипло поприветствовал он Сергея, игнорируя Андрея. — Значит, так: у нас полчаса, не больше. Потом приедет комиссия из головного офиса. Они там подняли всех на уши после... этого.

— Тут что, постоянно такая суета? — спросил Андрей, когда они зашли в пустой холл.

Петрович бросил на него косой взгляд:

— Суета? Да тут форменная чертовщина творится! Половина этажа жалуется на сбои, жилыцы требуют компенсации. Вчера лифт застрял между этажами с замом генерального, и знаете что? Он клянётся, что слышал в кабине детский смех. Детский! А у нас тут и детей-то нет, одни яйцеголовые живут. И это всё после смерти этой... программистки.

— Алины, — поправил Андрей.

— Да-да, — Петрович махнул рукой, вызывая лифт. — Она всегда со мной вежливо здоровалась, не то что остальные... А теперь вот...

Лифт приехал удивительно быстро. Петрович вздрогнул, когда двери открылись сами по себе, без положенного звукового сигнала.

— Видели? — прошептал он, заходя внутрь. — Раньше он всегда пищал перед открытием. Теперь будто специально пугает. Сам решает, когда и как.

Сергей с энтузиазмом кивнул:

— Классический случай! Духи часто взаимодействуют с механизмами, особенно электрическими. В старину они дверями хлопали, печные заслонки открывали, а теперь вот — лифты контролируют. Расширение сферы деятельности вместе с прогрессом.

Андрей закатил глаза, но Петрович, к его удивлению, энергично закивал:

— Точно-точно! У меня дед ещё говорил: в каждом доме свой домовый. Только раньше они по углам за печкой сидели, а теперь, видать, в проводах живут. Техника-то умная стала.

— В серверах, — уточнил Сергей с таким серьёзным видом, что Андрей едва сдержал смех. — Но вы правы, принцип тот же.

Андрей смотрел на них двоих и с некоторой тоской понимал, что остался в этом лифте единственным представителем материализма. Материализм, судя по детскому смеху в кабине, сдавал позиции.

Лифт мягко остановился на двадцать третьем этаже. Петрович первым вышел в коридор, озираясь. Было слишком тихо для жилого здания. Ни звуков телевизора из-за дверей, ни шагов. Только слабое гудение вентиляции.

— После того случая половина этажа съехала, — пояснил Петрович, заметив удивление Андрея. — Кто в срочный отпуск, кто к родственникам... Никому не хочется рядом с этой... квартирой находиться.

Они остановились у двери с номером 404. Петрович достал электронный ключ, затем посмотрел на Сергея с надеждой, с какой смотрят на последнего врача в очереди:

— Вы это... изгоните его, ладно? А то работать невозможно, система постоянно глючит. И остальные жильцы требуют...

— Сделаю всё возможное, — с непробиваемой серьёзностью ответил Сергей, и Петрович с облегчением кивнул. В преискуранте технической службы экзорцизм не значился, и он был рад делегировать.

Замок тихо пискнул, дверь открылась. Заходить внутрь Петрович явно не собирался — остался на пороге, нервно переминаясь.

— Я это... тогда снаружи подожду. Минут через двадцать позвоню, предупрежу, если кто придёт.

Когда он почти бегом удалился, Андрей фыркнул:

— Отлично, теперь у тебя репутация московского Ван Хельсинга. Вижу, бизнес процветает.

— Насмехайся сколько хочешь, — Сергей уже доставал из сумки приборы, — но он нас впустил. И, кстати, он прав насчёт домового. Чувствуешь?

— Что именно?

— Напряжение. Воздух как будто... гудит.

Андрей прислушался. Квартира действительно была наполнена еле слышным низкочастотным гулом — скорее всего, вентиляция или другие системы дома. Впрочем, надо отдать Сергею должное: атмосфера здесь была странной. Как в комнате, где только что замолчали, услышав твои шаги.

Сергей быстро и методично расставлял приборы — устройства, напоминавшие помесь радиоприёмников с антеннами и самодельных детекторов. В центре стола он водрузил старинный катушечный диктофон, из тех, что в прошлом веке записывали чужие разговоры для организаций с короткими названиями.

— Это для электронного голоса, — пояснил он, перехватив взгляд Андрея. — Старая, но рабочая технология. Проявления потустороннего иногда лучше фиксируются на аналоговые носители.

— По-твоему, призраки предпочитают винил цифровому звуку? — не удержался Андрей. — Аудиофилы загробного мира?

— Не призраки, а информационные сущности, — терпеливо поправил Сергей. — И дело не в предпочтениях, а в физике. Цифровая запись дискретна: она фиксирует только то, что укладывается в заданные параметры. Аналоговая непрерывна — она может захватить пограничные явления, которые цифровые алгоритмы отбрасывают как шум. Всё интересное в этом мире живёт в том, что кто-то отбросил как шум.

Он включил диктофон и остальные устройства. Комната наполнилась тихим гудением и потрескиванием.

Андрей спорить не стал. Вместо этого он достал ноутбук и подключился к местной сети — пароль от корпоративного Wi-Fi, к тихой ярости отсутствующего здесь Казанцева, остался прежним. Службы безопасности пока не успели заблокировать доступ уволенному сотруднику. Техническая халатность, для разнообразия, работала на него.

— Я попробую отследить необычную активность в системе, — сказал он, запуская анализ сетевого трафика. — Если в сети действительно «что-то» есть, я найду следы.

Сергей тем временем ходил по комнате с устройством, напоминающим геологический компас, обросший антеннами и светодиодами. Прибор тихо пищал, меняя тональность в разных участках комнаты, как метроном, потерявший уверенность в себе.

— Здесь сильное искажение, — пробормотал он, задержавшись у стены возле рабочего стола Алины. — Как будто пространство... прогнулось.

— Может, проводка неисправна, — рассеянно отозвался Андрей, уже погружившись в сетевые потоки.

А потоки выглядели странно. Корпоративные сети обычно организованы строго иерархично: сервер управления, подключённые устройства, логика доступа — всё по полочкам, как в аптеке. Здесь же Андрей видел хаотичные всплески активности, пакеты данных, возникающие словно из ниоткуда. Как будто в аптеку кто-то запустил кота.

— Интересно, — пробормотал он, запуская трассировку. — Тут явно кто-то ещё копается в системе... И если это не корпоративные техники, то кто?

Пакеты приходили откуда-то из района, где располагалось головное здание «НейроСети», но сеть была настолько запутанной, что точнее определить не удавалось.

— Кто-то удалённо управляет умным домом, — в голосе Андрея появились торжествующие нотки. — Вот тебе и объяснение всех странностей. Кому-то нужно создать впечатление, что здесь творится мистика.

Сергей, не отрываясь от своих манипуляций, только хмыкнул.

В этот момент ноутбук погас. Экран вспыхнул на мгновение, снова загорелся — но вместо привычного интерфейса на нём стояла одна строчка:

//мы здесь//

— Что за... — Андрей рефлексивно отёрнул руки от клавиатуры.

Строчка мигнула и исчезла. Ноутбук выключился — с достоинством, как актёр, сорвавший аплодисменты.

Свет в комнате замерцал. Не только в комнате: весь дом погрузился в полумрак и снова осветился, словно моргнул.

— Что это было? — прошептал Андрей, пытаясь реанимировать ноутбук. — Питание скачет?

Свет мигнул ещё раз, и все электроприборы в комнате одновременно издали короткий писк — как будто каждый динамик в квартире на мгновение включился и вдохнул.

— Оно пытается общаться, — сказал Сергей, поднимаясь. — Но не знает как. Андрей, ты должен...

Настольная лампа сорвалась со стола и разбилась. Осколки разлетелись по полу, образуя странный узор.

— Оно нервничает, — прошептал Сергей. — Чего-то боится.

Андрей уже восстановил ноутбук и лихорадочно печатал:

— Кто-то действительно взломал систему. Сигнал идёт из здания корпорации, точнее определить не могу. Похоже, нас целенаправленно пытаются запугать, управляя техникой.

— Да неужели? — Сергей закатил глаза, присаживаясь над осколками. — А может, наоборот — предупредить?

Он внимательно изучал осколки и вдруг замер.

— Посмотри, — тихо сказал он, указывая на узор из битого стекла. — Видишь рисунок? Он похож на...

— Логотип «НейроСети», — неохотно признал Андрей. — Но это ничего не значит. Случайное совпадение. Стекло бьётся, как хочет.

— Ага. А сегодня захотело в фирменном стиле.

Сергей молча отошёл к катушечному диктофону, всё это время писавшему звук, остановил запись и перемотал плёнку.

— Если я прав, — пробормотал он, — мы должны услышать...

Он нажал воспроизведение. Сначала — только шипение плёнки и их собственные голоса, приглушённые и искажённые. Но потом, в паузе между репликами, явственно проступил шёпот:

«Гордеев... архив... подвал...»

Андрей вздрогнул. Шёпот был тихим, на грани слышимости, но отчётливым. И определённо не принадлежал ни одному из них.

— Это может быть артефакт записи, — упрямо сказал он. — Или ты сам это подстроил.

— Правда? А как я подстроил вот это? — Сергей показал экран планшета, где мигала расшифровка сигналов с его приборов.

Среди последовательности цифр и букв выделялся фрагмент:

GRDV-B2-37B-404

— Какой-то код, — пробормотал Андрей. — Что это?

— Понятия не имею. — Сергей возбуждённо взъерошил волосы. — Но «GRDV» похоже на сокращение от «Гордеев», верно? «B2» может означать подвал, минус второй этаж, «37B» — помещение или стойку. А 404 — это не только номер квартиры, но и код ошибки. «Страница не найдена». Может, это намёк?

Андрей хотел возразить, но ноутбук ожил, показывая результаты трассировки. Источник вмешательства действительно находился в главном здании «НейроСети» — и, судя по всему, это был один из серверов архивного департамента.

— Совпадение, — упрямо сказал Андрей, но уверенности в голосе поубавилось. — Кто-то подключился к системе извне и манипулирует техникой.

— А кому это выгодно? — Сергей собирал приборы, явно довольный уловом. — Тому, кто хочет скрыть правду об эксперименте «Эхо». И, похоже, я знаю, где искать ответы.

Телефон Андрея завибрировал. Сообщение от Петровича: «Начальство едет. 5 минут у вас».

— Уходим. — Андрей захлопнул ноутбук. — Сворачивайся.

Сергей, к счастью, не стал спорить. Уже у двери он обернулся и, глядя куда-то в угол комнаты, тихо сказал:

— Мы вернёмся. И найдём, кто это сделал.

Андрею показалось, что температура в комнате резко упала, а из вентиляционной решётки донёсся вздох облегчения. Он твёрдо решил, что показалось.

Они покинули квартиру за минуту до того, как с другого конца коридора появилась группа людей в костюмах во главе с Казанцевым. Петрович, промокая лоб, самозабвенно проверял проводку в соседнем помещении — с усердием человека, у которого проводка была алиби.

— Я всё равно думаю, что это чья-то гнусная мистификация, — тихо сказал Андрей, когда они вышли из здания в снег. — В корпорации явно что-то не так с проектом «Эхо», но вовсе не потому, что там... привидения или ещё какая-то чушь.

— Хорошо, — миролюбиво согласился Сергей. — Давай проверим твою версию. Ты собираешься взломать сервер Гордеева?

— А у тебя есть другие идеи?

— Конечно. — Сергей загадочно усмехнулся. — Мы попробуем оба варианта. Ты займёшься цифровым следом. А я... я попробую ещё раз поговорить с нашим невидимым другом.

Андрей только головой покачал. Безумие. Но почему-то он не мог просто уйти и забыть. Он должен был выяснить, что случилось с Алиной. И если для этого придётся играть в охотников за привидениями — что ж, так тому и быть. Ради Алины он готов был даже поверить в домовых.

Почти.

Глава 10. Переносной очаг

Выйдя из «Силиконового оазиса», они направились к машине, припаркованной под раскидистым клёном — голым, заснеженным и оттого похожим на схему самого себя. Андрей уже открыл дверцу, когда Сергей застыл на месте и хлопнул себя по лбу:

— Чёрт, я, кажется, отключил не все приборы. Один детектор остался там. Дорогуший, между прочим.

Андрей прищурился:

— Правда? Не заметил, чтобы ты что-то забыл.

— Именно так обычно и забывают вещи — не замечая, — парировал Сергей с непробиваемой логикой. — Я быстро. Петрович ещё не ушёл, попрошу открыть на минуту.

— Я с тобой. — Андрей захлопнул дверцу.

— Нет! — Сергей вскинул ладони слишком поспешно. — В смысле... не стоит тебе светиться ещё раз. Казанцев мог оставить охрану. Лучше я сам.

Андрей изучающе посмотрел на него. Врал Сергей значительно хуже, чем говорил правду, — редкое и в чём-то даже трогательное качество.

— Что ты задумал?

— Просто хочу забрать свою технику. — Сергей пожал плечами с демонстративной небрежностью, хотя глаза выдавали волнение. — Посиди пока в машине, настрой... каналы слежения, или как там у тебя это называется.

— У меня нет никаких «каналов слежения», — буркнул Андрей, но остался у автомобиля.

Когда Сергей скрылся за стеклянными дверями, Андрей достал телефон и быстро отправил сообщение Владу: «Нужно узнать всё про Гордеева и проект „Эхо“. И что в подвале корпорации, код В2-37В».

Сергей действительно нашёл Петровича — тот всё ещё протирает пыль с датчиков охранной системы в коридоре, поддерживая легенду о проводке.

— Забыл прибор, — шепнул Сергей. — Нужно на минутку зайти.

— Начальство только что уехало. — Петрович опасливо покосился на квартиру 404. — Но они могут вернуться...

— Три минуты! — Сергей умоляюще сложил руки. — Жизненно необходимо.

Петрович тяжело вздохнул, но направился к двери, доставая ключ.

— Только я подожду здесь.

Когда Сергей вошёл, дверь позади закрылась с тихим щелчком. В квартире стояла странная тишина — не просто отсутствие звука, а выжидательное безмолвие, словно кто-то притаился и наблюдал за каждым его движением, задержав несуществующее дыхание.

— Привет, — тихо сказал Сергей в пустоту. — Я вернулся один. Надеюсь, ты не против.

Никакого ответа. Только еле заметное колебание воздуха, похожее на дрожь напряжения в проводах.

Он прошёл в гостиную. С их визита ничего не изменилось — разве что осколки разбитой лампы кто-то тщательно подмёл. На их месте была идеально чистая поверхность, натёртая до блеска. Хозяйственность, не свойственная ни полиции, ни корпоративным комиссиям.

— Я знаю, что ты здесь, — продолжил Сергей, присаживаясь на край дивана и стараясь, чтобы голос звучал спокойно и дружелюбно. — И знаю, что ты напуган. Это ведь ты пытался предупредить Алину, да?

Экран телевизора в углу мигнул. Один раз. Сергей принял это за знак согласия и подался вперёд:

— Ты хотел ей помочь. Но они сделали что-то — что-то с этим проектом «Эхо», — и теперь... тебе небезопасно оставаться здесь.

Ещё одно мигание. Сергей кивнул сам себе.

— Слушай. — Он быстро огляделся, словно опасаясь чужих ушей. — Я знаю, что обычно домовые привязаны к месту. Но сейчас ситуация изменилась, верно? Тебе нужно уйти отсюда, иначе они... сотрут тебя. Или того хуже.

Тишина. Потом странный скрежет: на кухне проснулся крошечный робот-пылесос и неловко ткнулся в стену — жест, в котором при желании читалось смятение.

— Ты напуган, я понимаю. — Сергей вздохнул, проводя ладонью по волосам. — Я... я не могу сказать, что знаю все правила. Я учился на физика, понимаешь? Потом нахватался разных легенд, суеверий... Наверное, я выгляжу смешно в твоих глазах.

Робот на кухне снова зашумел и затих. Холодильник издал тихий щелчок, свет в нём мигнул. Если это и был смех, то вежливый.

— Но я хочу помочь. — Сергей подошёл ближе к кухне. — И думаю, мы можем помочь друг другу. Ты показал нам код, сообщил о Гордееве. Ты хочешь, чтобы мы узнали правду, верно?

Холодильник щёлкнул громче.

— Вот что я предлагаю. — Сергей извлёк из кармана небольшой мешочек, завязанный бечёвкой. — Это... старый способ. Моя бабушка рассказывала. Знаю, звучит по-дурацки, но... ты можешь перейти вместе с чем-нибудь, что считаешь своим домом.

Он развязал мешочек и вытряхнул на ладонь содержимое: щепотку земли, крошечный кусочек угля, соль и хлебные крошки.

— Это атрибуты домашнего очага, — произнёс он, чувствуя себя человеком, который читает древний протокол по памяти и не уверен в синтаксисе. — Я оставлю их здесь, и если ты захочешь последовать за ними — мой дом будет твоим домом. Сможешь жить у меня. Там тоже много техники. Не такой продвинутой, но, я думаю, тебе будет... удобно. И никто не станет тебя изучать.

Он высыпал смесь на краешек стола и отступил на шаг.

— Я оставлю это на минуту. Потом заберу. И если ты решишь пойти с этими... символами дома, то сможешь переместиться ко мне. Обещаю, что буду уважать твоё присутствие. И вместе мы выясним, что случилось с Алиной.

Воздух в кухне внезапно стал заметно холоднее. Сергей поёжился: температура упала градусов на пять, не меньше. Стоявшая на столе солонка перевернулась, и рассыпавшаяся соль смешалась с принесённой им горсткой.

— Я так понимаю, это «да»? — нервно уточнил он.

Что-то едва заметно переместилось в углу — тень? дуновение? — и скользнуло к столу. Крошки и пыль будто слегка шевельнулись сами по себе, хотя никакого ветра в комнате не было. Сергей был готов поклясться. Впрочем, за последние дни список вещей, в которых он был готов поклясться, изрядно поредел.

— Хорошо. — Он осторожно достал чистый носовой платок и бережно собрал смесь, стараясь не уронить ни крошки. — Я беру тебя с собой. Спасибо за доверие.

Завязав платок в маленький узелок, он спрятал его во внутренний карман куртки — возле сердца. По традиции так, вероятно, не полагалось. Но ему казалось, что это правильно, а традиции, в конце концов, когда-то тоже кто-то придумал на ходу.

— Я ухожу, — сказал он, направляясь к выходу. — И надеюсь, ты тоже.

На пороге он обернулся:

— И... извини, но мне нужно будет объяснить Андрею. Он скептик, но, думаю, он поймёт. Рано или поздно. Скорее поздно.

Когда Сергей вернулся к машине, Андрей нетерпеливо барабанил пальцами по рулю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.